

умственнымъ способностямъ, и по нравственности, и по практической жизни неизмѣримо выше всѣхъ другихъ людей... Но объ этомъ мы уже говорили.

Второе противорѣчіе жизни поражаетъ Толстого еще болѣе, чѣмъ разсмотрѣнное нами; онъ называетъ его *государственнымъ*. Оно состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что люди подчиняются государственнымъ законамъ. „Вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы,—говоритъ онъ ¹⁾, мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, эти законы *суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій*, — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могутъ вѣрить тому, чтобы повиновеніе законамъ гражданскимъ или государственнымъ удовлетворяло бы требованіямъ разумности человеческой природы. Люди давно уже знаютъ, что неразумно повиноваться такому закону, въ истинности котораго можетъ быть сомнѣніе, и потому не могутъ не страдать, повинаясь закону, разумность и обязательность котораго не признаютъ“. Въ частности *государственное* противорѣчіе, по словамъ Толстого, выражается въ слѣдующемъ: „Мы признаемъ ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и должны платить ихъ, признаемъ бесполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія; признаемъ вредной проповѣдь церковную (?), и должны участвовать въ поддержаніи этихъ (?) учреждений; мы признаемъ жестокими и *безсовѣстными* (?) наказанія, накладываемыя судами, и должны участвовать въ нихъ; признаемъ неправильнымъ и вреднымъ распределеніе земельной собственности, и должны подчиняться ему; не признаемъ необходимости войскъ и войны, и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войнъ и т. п.“ Вотъ все, что Толстой нашелся сказать объ усмотрѣнномъ имъ въ жизни *государственномъ* противорѣчій. Государственные законы, по его мнѣнію, не хороши только потому, что не покровительствуютъ разрушительнымъ теоріямъ грубаго социализма: охраняютъ частную собственность и личную безопасность каждаго подданнаго; вѣрный социально-коммунистическому ученію, онъ возстаетъ про-

1) Ч. I, стр. 174.